

Борису Эйфману не нравится быть раком

Фотосессия

ЮРИЙ ШИШОВ/АГЕНТСТВО "АРИСТАРХ"

Балет "Братья Карамазовы". Театр балета Бориса Эйфмана.

Борис Эйфман и его Санкт-Петербургский балет открыл театральный фестиваль "Золотая маска" балетом "Карамазовы", который претендует на эту премию по трем номинациям: лучший балетный спектакль, лучшая работа хореографа и лучшая мужская роль — Игорь Марков (Алеша Карамазов), в прошлом уже названный номинантом отечественного театрального "Оскара", но уступивший это звание коллеге по труппе Альберту Галичанину в роли Чайковского (в "Карамазовых" тот танцует партию Ивана).

Музыкальная основа спектакля — Рахманинов, Мусоргский, Вагнер и цыганские романсы. Сюжетная — кульминационные моменты романа в первом акте и духовный спор Ивана (Великий Инквизитор) и Алеши (Христос) о несоместности свободы и счастья для слабого и бунтующего человечества. Спор, который выходит за пределы романа и проецируется у Эйфмана на будущую историю России с убийством царской семьи, с разгулом вырвавшихся из клеток запрограммированных полулюдей-полурабов, которых потом вновь Эйфмана — это только Алеша).

Московский театральный бомонд, истосковавшийся по крупным балетным событиям, принимал труппу Эйфмана более, чем благодарно. А на следующий день Борис Эйфман встретился в журнале "Балет" с обожаемыми его критиками, которые более 20 лет следят за его творчеством, и получил советы не расставаться так много хореографических "восхищательных знаков" (обилие прыжков и поддержек почти трюковой сложности), не цитировать так обильно других хореографов и себя в прошлом, а в общем и целом — продолжать в том же духе.

О благотворной роли Москвы в культуре Санкт-Петербурга

Москва сыграла огромную, чуть ли не решающую роль в жизни нашего коллектива. В первые годы существования нашей труппы у Ленинградского обкома были самые серьезные намерения закрыть театр. Но мы ездили в Москву чуть ли не каждый год, выступали в концертном зале "Россия", а потом в "Правде" или "Известиях" — вы представляете, что это значит, — получали положительный рецензия. Простые этого обком поглотить не мог. Так что Москва нас просто спасла. Когда меня вытравливали даже из СССР, я понял, что только в Ленинграде смогу заниматься своим любимым, хотя иногда мучительно-далеким, то есть каждое утро приходил в класс и репетировать. А мне я бы просто захлебнулся в своей эмоциях.

Кто-то ищет, а кто-то находит

Главное, что удалось сделать, это создать свой театр. Мы ведь все жили в закрытом обществе, что-то такое творили, но пришла свобода, и на нас хлынул невообразимый информационный поток. И наш творческий поиск, который существовал до свободы. Результаты — "Реквием", "Чайковский", "Дон Кихот", "Карамазовы", "Красная Живость" — свой, ни на что не похожий тип театра, взращенный, однако, на традиции.

У нас привычки, открывая для себя что-то новое, всасывались истерично, а не вдумчиво. А ведь вообще ничего не слышало, а реально, а есть художники, которые ищут, а есть, которые находят. Да и дягилевское "Чем будем удивлять?" для меня неважно. Мне важно выразить свое существование в данный момент.

Весь мир занимается классикой, и все артисты мечтают танцевать в классических спектаклях. А танцуют не три четверти модерна. Но я не считаю, что мои постановки — это модерн. Я называл бы их неклассической, это ближе.

Ко мне приходят с ощущением, что все потеряно

Каждый артист в нашей труппе преследует общую цель. У нас одна семья, одни деньги, и каждый понимает, от чего зависит его материальное благополучие. Даже когда я, глава артистов, прошу ре-

петировать "вполноги", они репетируют в полную силу. Конечно, у нас завышенные требования. Наши нагрузки могут выдержать только молодые. Средний возраст артистов — 18 — 20 лет, а 22-е уже кариерной труппы. Да к тому же только молодые могут настроить себя на то, чтобы всю жизнь заниматься искусством. С возрастом это уже труднее.

Мы стремимся выласкивать из актера потенциал, который он даже сам в себе не предполагает. Но балетные артисты не стремятся в наш театр. Хотя я не могу понять работ, которые идут в балетную школу, чтобы в итоге расстаться с кордебалетом и махать опакилом. И мне жалко, потому что я как хореограф очень завишу от актеров.

Я думаю, что меня и боится немножко, и уважает, потому что вижу мой труд. Но любви, наверное, нет. Ко мне приходит с ощущением, что творить уже больше нечего. Вот, например, Игорь Марков, который танцует Алешу Карамазова (президент на "Золотую маску" за лучшую мужскую роль). Редко. Он закончил училище и не попал ни в Кировский, ни в Малый оперный театры, уехал куда-то в Новосибирск, а там сломал ногу. В Питер он вернулся с ощущением, что теперь навсегда остался не у дел. С таким ощущением и пришел в труппу Эйфмана. Теперь Маркову, конечно, задал, но как-то счастливо — все хотели бы иметь его успех, но при этом сидят в кафе.

О литературном балете и порезанной музыке

Когда мне говорят, что у меня литературный балет, я уже не воспринимаю это как комплимент. Балетный театр еще со времен Навера обращался к литературе. И в этом смысле наш театр — пусть и самоубийца, но всего лишь звено в общей цепи. Ничего нового мы не открыли и, я надеюсь, не изобрели. Для меня литература — это повод окунуться в какой-то особый мир, внутри которого я могу создавать свой.

Балетный театр — самостоятельное искусство, в равной степени спровизорированное и музыкой, и литературой, и историей, и ментальным, и живописью. Для меня музыка превыше всего. Не люблю музыку, я не могу ставить (то есть на субъективно плохую, ту, которую я не вижу). До "Чайковского" я не позволял себе делать кутюры в партитурах, а теперь режу — со страхом, но все с большей наглос-

тью. Когда я резал в "Красной Живости", я думал, что композиторы меня просто уничтожат, но обошлось, сказали, что даже логично получилось.

Не хочу ставить танцы

У нас с балетмейстером отношения, как с танцевальным. Не создавай танцы вообще не мое искусство (хотя танец — это комбинация движений). Мне кажется, танец — это форма, а вот движение — это слово, то единственное слово, на вес золота, из которого создается поэзия. Движение — это выражение нутра, а ведь это огромная привилегия — уметь выразить себя через тело.

О крутотеке колбасы и хореографов

Знаете, ощущать себя не бездельным раком не очень-то приятно. Это совсем не вдохновляет и требует дополнительных расходов энергии. Мы тоже можем сказать, что у нас нет денег (когда за "Красную Живость" мы должны 250 миллионов), но тогда мы угодимся тем труппам, которые всегда находят причину, чтобы не ставить новое.

Но это не так страшно, что нет хореографов. Колбасу у нас тоже не было, так появились. Из хореографов появятся.

По капле выдавливает из себя дурную кровь

Мне очень близка тема семьи, дурной наследственности, дурной крови, которую надо из себя выдавливать по капле. Конечно, "Карамазовы" — это "Братья Карамазовы", но не только. Не дай мне такого названия, может быть, многие и подумали бы, что это Карамазовы. Тут весь Достоевский, его пророческие идеи, его боль, концентра-

ция времени, его глубокая жажда прощения, что и роднит меня с "Карамазовыми" (а глава "Великий Инквизитор" — это вообще лучшее, что когда-либо было написано). В каждом из них есть часть меня, даже в женских персонажах (Профессорский хореограф вообще не может создавать персонажи без внутренней диффузии с ними. Я прожил жизнь Чайковского, но я перекроил и трагедию Милославского, и драму Фан Мей).

Достоевский ментал напечатать которую книгу — об Алексее. И я пытался реализовать этот замысел в балете. Хотя, конечно, Достоевский меньше всего нуждается в моем сотворчестве.

Одухотворенное движение — это не так уж стыдно

В Питере, Москве, Токио, Париже, Германии эмоциональная реакция на мои спектакли примерно одинакова. Японцы — они такие молчаливые — просто плакали. Немцы — последовательные — слезы. Они не привыкли получать эмоциональное воздействие от балетных спектаклей. Для них балет — это некое формотворчество под музыку. Им некогда неважно, что движение эмоциональное — это в некотором роде дурной тон.

Банально — о творческих планах

У меня очень много планов, даже не знаю, на чем остановлюсь. Я мечтаю уйти в Библию, но боюсь, что уже не вернусь оттуда.

Записала Ольга ФУКС.

Ольга Фукс — больше всего любит театр. В "Вечернем клубе" он начал работать еще студентом. Сегодня она ведущий театральный критик газет "Вечерний клуб" и "Вечерняя Москва". В свободное от рецензий время — аспирантка МГУ.